

ВАРЛААМ РЫЖАКОВ

О ГРИНЬКЕ,
О САНЬКЕ
И НЕМНОГО
О ДЕВЧОНКАХ

Варлаам Рыжаков

**О Гриньке, о Саньке и
немного о девчонках**

«Издательский Дом Мещерякова»

1969, 2022

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рыжаков В. С.

О Гриньке, о Саньке и немного о девчонках / В. С. Рыжаков —
«Издательский Дом Мещерякова», 1969, 2022

ISBN 978-5-00108-962-9

«Санька – это я сам, Гринька – мой закадычный друг, а о девчонках потом» – так начинается весёлая и озорная повесть Варлаама Рыжакова о мальчишеской дружбе и испытаниях, связанных с первой влюблённостью. Санька и Гринька живут в маленькой деревеньке в самой обычной российской глубинке. Их интересы ничем не отличаются от интересов их двенадцатилетних ровесников: в погоне за атлетической фигурой пробить пол гирей, подраться из-за возможности съехать на лыжах с зимней горки – всё как у всех! Но однажды в деревне появляется новая девчонка, и старинная дружба оказывается под угрозой.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00108-962-9

© Рыжаков В. С., 1969, 2022

© Издательский Дом
Мещерякова, 1969, 2022

Содержание

Тихая жизнь	6
Гринькины тревоги	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Варлаам Степанович Рыжаков

О Гриньке, о Саньке и немного о девчонках

© В.С. Рыжаков, наследники, текст, 2022

© Т.Ф. Мартынова, иллюстрации, 2022

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2022

Тихая жизнь

Санька – это я сам, Гринька – мой закадычный друг, а о девчонках потом.

Живём мы, как говорит мой отец, в захудалой глухой деревушке. А почему она глухая – нам совсем непонятно. По-моему, отец ошибается. Наша деревня, наоборот, очень даже звонкая: на одном конце разговариваешь – на другом всё слышно. А если посильнее крикнуть или сунуть два пальца в рот и свистнуть, аж по всему лесу так и покатится.

Правда, возле нашей деревни нет шоссе-ных дорог, а железных и подавно, но говорят, что скоро проведут. А пока, конечно, добраться к нам очень даже трудно. А осенью – прямо слёзы. Только на гусеничном тракторе, да и на нём знаючи. И знаючи-то Митька, наш механизатор, на прошлой неделе влетел в колдобину возле Лисьего бору чуть не по самую трубу. Мужики поначалу смеялись над Митькой, а потом, когда откапывали трактор, ругали его на чём свет стоит.

Мы тоже помогали откапывать. Да и не только мы – все наши мальчишки копошились возле железной громадины. Еле вытащили двумя тракторами и поставили на берегу реки у кузницы.

Митька потом целую неделю отмывал свою железяку. А после крутил-крутил заводную ручку, взмылился, плюнул и разобрал трактор на мелкие части. Видно, в нутро грязь попала.

А нам с Гринькой хоть в нутро грязь и не попала, а на штаны и куртку нацепилось, пожалуй, не меньше, чем на этот самый трактор.

Мать как взглянула на меня, так и ахнула. Она и сейчас нет-нет да и треснет меня по заправке и всё приговаривает:

– Погибели на тебя нет, соломенная голова.

А штаны и куртка так и висят в сарае. Мать постирала и повесила сушить их. А на днях ударил мороз, и они стали как железные. Грохнешь по ним палкой – звенят. Но меня это не расстраивает. Пусть висят сколько им хочется. Мать с отцом поругали-поругали и купили мне новые штаны и куртку. Правда, немного великоватые. Рукава приходится подгибать, а штаны засучивать. Но я не обижаюсь. Мне всегда покупают одежду, как поясняет мать, с запасом. А на что мне нужен этот запас, убей не пойму.

Прошлым летом забрались мы к Марье Шиковой в огород за помидорами, а она увидела. Схватила прут – и за нами. Все мальчишки убежали, и я бы убежал – я не тише их бегаю, – но у меня на штанах запа-х распустился. Я запутался и упал. А Марья и рада. Думала, что догнала, и так меня отходила, что я после целых две недели глядеть не мог на чужие огороды.

А ещё говорят, что запас карман не дерёт.

Однажды подрались мы с Гринькой, и подрались-то из-за пустяка – из-за сломанной лыжи. И не то чтобы подрались – скорее он меня валтузил, а я только отмахивался. Он длинный верзила, и рукава у него по локти, а у меня с запасом. Пока я искал кулак в своём рукаве, он мне весь нос расквасил и лыжу забрал. Такая драка не по-честному, я так и сказал Гриньке, а он прищурился и говорит:

– А зачем ты хотел мою лыжу взять?

– Так это, – говорю, – моя лыжа. Я её нашёл первым.

– Нет, моя, – говорит Гринька, – я её увидел первый.

– Где же, – говорю, – Гриньк, ты её увидел, ежели я её нашёл?

– А я её, – говорит, – ещё летом видал.

– Ну и что, что летом. Мало ли что я летом видал.

– А что, – говорит, – ты летом видал?

– Ну...

– Вот, – говорит, – и ну.

Я разозлился и говорю:

– Танк я видал.

– Вот, – говорит, – и бери свой танк. А лыжа моя.

– Так как же, Гриньк, я его возьму?

– А я, – говорит, – не знаю.

– Не знаешь, – говорю, – а за что ты меня по носу двинул?

– А я, – говорит, – не двигал, я только дотронулся.

– А-яй, – говорю, – дотронулся, коли кровь пошла.

– Это, – говорит, – у тебя нос такой хлипкий.

– Хлипкий, у меня искры из глаз посыпались.

– Искры? – удивился Гринька. – Врёшь, я что-то не видал.

На этом мы и разошлись и не встречались долго. Пожалуй, до самой зимы. А потом нам надоело сердиться, и мы помирились.

Гринька – он ничего, отходчивый. Он первый пришёл ко мне и говорит:

– Сань, пойдём на лыжах кататься?

А я говорю:

– Да я, Гринь, уроки не выучил.

А он говорит:

– Брось, всё равно все книжки не выучишь.

– И правда, Гринь. Учучу-учу и никак не пойму.

– Чего?

– Да вот о расширении тел.

– О! – вскрикнул Гринька. – Это проще простого. От тепла тела расширяются, а от холода сжимаются. Например, летом дни длиннее, а зимой короче.

Я посомневался, посмотрел на Гриньку: шутит он или серьёзно. Гляжу, он такой важный, говорю:

– Ладно, Гриньк, пойдём кататься.

Вышли на улицу. Смотрю, у Гриньки две лыжи, и обе отремонтированы. Одна – впереди ремня, другая – позади. А так лыжи что надо.

Гринька заметил моё восхищение и говорит:

– Сам сколачивал. Надёжно. Вишь, сколько гвоздей.

– А как же, – ответил я, – вижу. – Потрогал лыжи руками. – Почти что железные.

– То-то, – загордился Гринька, – износу не будет.

Он вскинул лыжи на плечо, и мы зашагали на гору. И не на ту, на которой катается всякая там чегашня, а на самую крутую. По дороге к этой горе к нам прицепился младший Гринькин брат Васёк.

– Ты кататься не будешь, – отрезал Гринька. – Можешь не ходить. Соплив больно.

– Да я, Гринь, так, – проканючил Васёк. – Я, Гринь, только поглядеть.

– Поглядеть – это можно, – милостиво разрешил Гринька.

На вершине горы мы с Гринькой немножко поспорили. И ему хотелось катиться первым, и мне.

Потянули палочки. Гринька говорит:

– Длинную вытащишь – я поеду, короткая попадётся – ты покатишься.

Потянул я палку – длинная. А свою Гринька торопливо махнул в сторону. По-моему, у него обе палки были длинные.

Прилаживал лыжи Гринька долго и старательно. Ремни привязал к валенкам бечёвкой. Пошаркал взад-вперёд, чтоб получше скользили, поглядел вниз, зажмурился и...

Под горой, вправо от нас, стояла старая-престарая баня без крыши. Она была настолько дряхлая, что в деревне никто не знал, чья это баня и сколько времени она тут торчит.

И вот гляжу: Гринька что-то всё воротит и воротит к этой бане. Кричит что-то, здорово так кричит, а мы с Васьком никак не поймём – что.

– Поёт это он, – сказал Васёк.

– Да нет, Васёк, – сказал я, – не похоже. И баня-то совсем рядом, и визжит он, как поросяенок недорезанный.

– Радуетя.

Вдруг Гринька подпрыгнул, как козёл, ударился об снег, подскочил и кулём брякнулся в угол бани. Из бани только труха посыпалась.

– У-у-ух! – выдохнул Васёк.

Мы сбежали вниз.

Гринька, как циркач, кувыркался в сугробе, зажал голову руками и орал. Ох и голосище у него прорезался!

К месту «аварии» с соседних пологих горок стекались малыши. Они осматривали развороченный угол бани, с радостным гомоном хватали гнилые осколки и восхищённо повторяли:

– Вот это да!

Гринька, слышав голоса, уселся посреди сугроба, тупо огляделся. Встал.

Мы с Васькой переглянулись. Нам показалось, что Гринька здорово-таки поумнел.

Шапки на нём не было. Через всю верхнюю половину его лба тянулась огромнейшая шишка, отчего лоб у Гриньки стал высоким и ужасно выпуклым, как у настоящего учёного или поэта.

А Гринька, не обращая ни на кого внимания, молча подошёл к бане и принялся её раскидывать. Мы последовали его примеру, и скоро от трухлявой постройки остались только воспоминания да на Гринькином лбу всё распухающая шишка.

Расквитавшись с баней, Гринька посмотрел на свои ноги (на валенках остались лишь ремни с бечевами) и сердито потребовал лыжи. А где их возмёшь?

Малыши перепахали на месте Гринькиного приземления весь снег – и всё напрасно. Вместо лыж Гриньке подали смятую, рыжую от трухи шапку.

Гринька ударил ею о коленку и попробовал надеть на голову, но...

– Ничего, – успокоил нас Гринька, – дома есть старая отцовская. Она будет как раз.

– А не мала, Гринь? – робко сказал Васёк.

– Она порванная – влезет. – И вдруг спросил: – Спички есть?

– А что, Гринь?

– Костёр бы запалили. Вишь, сколько дров.

Малыши ликующе взвыли:

– Костёр! Костёр!

Я побежал домой за спичками.

Возле костра малыши тесно жались к Гриньке, с завистью смотрели на его багровую шишку. Иногда кто-нибудь не выдерживал и тихо спрашивал:

– И не больно, Гринь?

– Ничтяк.

– И нисколечко?

– Ну.

Малыши вздыхали и украдкой ощупывали свои лбы. Каждому хотелось иметь свою такую шишку, и было страшно. Ведь своротить лбом угол бани не так-то просто. И после этого придумать такое – костёр. А он полыхает, искры к небу летят.

Гринька был герой. Но это было только началом его славы.

На другой день в школе первоклашки ходили за ним табуном, а старшеклассники и учителя почтительно уступали ему дорогу и тихо шептали:

– Ну и башка!

Ползли слухи, что Гринька своротил головой целую баню. Гринька ходил зазнайным гусаком. Даже на меня, на своего лучшего друга, смотрел этак свысока.

Во время большой перемены он отирался в уборной, где в зимнее время собиралось всё избранное общество курильщиков. Теснота была в уборной – не пролезть, дымище – хоть ножом режь.

Гринька вертелся у десятиклассников на глазах, хотел услышать от них похвалу, но его почему-то подняли на смех. А один из парней притянул Гриньку к себе и, разворошив волосы на его голове, постукал по ней указательным пальцем.

– Чегой-то ты? – обиделся Гринька.

Но парень равнодушно отвернулся и заявил соседу:

– Я думал, у него чурбан вместо головы.

Гринька рванулся от парня, протиснулся ко мне и нарочно громко, как бы в отместку всем курильщикам, проговорил:

– Пойдём, Сань, отсюда. У меня голова трещит от этого дымища.

Из школы мы шли не спеша. В портфелях у нас покоилось по жирному «гусю», и торопиться нам было как-то не с руки. К тому же и погода была не в пример отметкам в наших дневниках – отличная.

На кустах рябиновыми гроздьями горели снегири. В прозрачном воздухе искрилась морозная пыль. Снег под ногами хрустел, словно сочные кочаны капусты.

Гринька яростно раскручивал впереди себя свой старенький портфель. Он, такой-то верзила, изображал из себя не то самолёт, не то ветряную мельницу. Ручка у портфеля не выдержала нагрузки, и портфель улетел далеко в сторону.

Из-под куста выпрыгнул на поляну и остановился здоровенный русак. Повертел головой, помахал нам длинными ушами-ножницами, скакнул на бугор и скрылся. Мы не успели и рты раскрыть от удивления. Заулюлюкали и засвистели уже потом, когда русака и след простыл. И вот тут-то Гриньку и осенило. Его с шишкой часто осеняло.

– Эх, ружьё бы! – вскрикнул он и вцепился в рукав моего пальто. – Сань, давай сделаем ружьё, а?

– Настоящее?

– Да нет. Поджигное.

– И за зайцами, да?

– Ага. На колхозном огороде они знаешь какие! А сколько их... Я однажды чуть палкой не убил одного. Поболе этого. А из ружья...

Гринька зажмурился.

И вдруг:

– Бух-бах, бух-бах, бух-бах!

И пошёл, и пошёл палить.

Вечером мы смастерили самопал.

Гринька ликовал. Он вешал самопал то на плечо, то на шею, то по-солдатски ставил его к ноге, то вскидывал и целился; наконец поставил в угол сарая и задумался.

– Ножи надо.

– А может, так?

– Не, Сань, без ножей нельзя. Вдруг волк или медведь. Ранишь – придётся врукопашную схватиться.

– Верно, – вздохнул я.

Ножи сделали из старых брошенных кос. Не ножи, а сабли. Только загнуты в обратную сторону. Рукоятки обмотали тряпками.

В воскресенье утром привязали тесаки к поясам и...

Нет, надо было поймать собаку. Что это за охота без собаки! Ни один уважающий себя охотник не выйдет на промысел без верного друга.

Для нас таким другом был Тарзан.

Он бегал ничейным – общеколхозным, и жизнь у него складывалась по-настоящему собачья. Квартировал он где придётся, кормился отбросами на помойках да тем, что дадут мальчишки. А мальчишки народ не ахти сознательный. Иногда и покормят, а иной раз такого пинка дадут...

Тарзана мы нашли у мусорной ямы за домом председателя колхоза. Здесь была его лучшая кухня.

– Тарзан, ко мне, – позвал Гринька.

Пёс настороженно повернул голову и скакнул в сторону.

Гринька вынул из-за пазухи припасённый на охоту ломоть хлеба.

Тарзан вмиг сменил своё недоверие на горячую преданность. В два прыжка он очутился возле наших ног, завилял хвостом, запрыгал и даже унижительно поползал на брюхе.

Пока он так заверял нас в своей искренней дружбе, я посадил его на верёвку.

Горбушку Гринька снова спрятал за пазуху.

Тарзан жадно облизнулся.

– Нет, друг. Поймай сначала зайца.

Пёс, ободрённый его словами, начал вести себя совсем легкомысленно. Нам это стало неприятно. Да и кому хочешь не понравится. Представьте себе: мы идём вдоль деревни, идём почти что с настоящим ружьём, идём не куда-нибудь, а на охоту. И собака должна чувствовать это и держаться степенно, озабоченно. А он, бестолочь, только мешал нам идти, скакал перед нами на задних лапах и всё лез к Гриньке целоваться.

За деревней Тарзан одумался. Он, видимо, понял, что рассчитывать на спрятанную горбушку не приходится, и загрустил. Начал печально оглядываться, отставать.

Я потянул его силком.

Так мы и охотились. Я шёл впереди, за мной на верёвке тащился пёс, а за ним, погоняя его, как телка, шёл с самопалом на плече Гринька. Мы обошли весь колхозный огород, где, как уверял Гринька, зайцев хоть за уши цапай, облазили все доли и овраги, измерили шагами поля вокруг деревни, измучились – и всё без толку.

Звери-зайцы как вымерли.

– В лесу они, – решил Гринька, – осины гложут.

Я вздохнул.

– И нам бы.

– Что?

– Поесть.

Гринька достал горбушку и разломил её на троих.

– Поедим – и в лес.

Я едва не подавился.

– А не завтра, Гринь? Уж больно ноги гудят.

- Мы с краешку, Сань. Посмотрим и вернёмся.
- Если с краешку.
- В осиннике. Там и волки бывают.
- Волки... А что ты, Гринь, всё ходишь и ходишь с ружьём? Дай и я похожу.
- Оно тяжёлое, Сань. А ты и так устал.
- Я уже не устал, Гринь.
- Зато ты с собакой, Сань.

– С собакой... Вот, на вот, возьми её. А ружьё давай.

Я снял с Гринькиного плеча ружьё и повесил его к себе на шею. И удивительно: во мне сразу прибавилось и храбрости, и бодрости. А Гринька скис.

– Лучше домой бы, Сань.

– Ничего. Успеется.

Я выбрался на дорогу и торопливо зашагал к лесу. На опушке Гринька остановил меня.

– Сань, возьми Тарзана.

– Зачем?

– Я...

Гринька расстегнул пальто и полез в кустарник.

– Только ты далеко не уходи! – крикнул он.

– Ладно, – не оборачиваясь, отозвался я, ускоряя шаги. Мне хотелось уйти как можно дальше. Сейчас я был настоящим охотником. С ружьём и собакой. А когда Гринька нагонит меня, или ружьё, или собаку придётся отдать.

На повороте я оглянулся. Гриньку не видно. Побежал. Дорога распалась на две тропы. Не задумываясь, я повернул на ту, которая вела глубже в лес.

– Э-э-э-ге-э-э! – зазвенел Гринькин голос.

Я не ответил. Припустил сильнее.

– Са-а-ня-а-а!

Голос удалялся. Значит, Гринька пошёл другой дорогой. Я остановился. Надо отозваться. Глубоко вдохнул в себя воздух и замер.

Из-под низкой разлапистой ели, как из шалаша, вылетела грузная чёрная птица. Отлетела в сторону и тяжело опустилась на осину.

Дрожащими руками я снял с шеи ружьё, согнулся и, осторожно переставляя ноги, начал подкрадываться. Шаг. Ещё шаг. Предательски скрипнул снег. Я замер. Птица наклонила голову, прислушалась. Я сдвинул дыхание. Шаг. Ещё шаг. Под валенком глухо треснул сук. Я вздрогнул. Птица сидела уже на другой осине – дальше. От обиды у меня задрожали губы.

– Ну постой же, не улетай.

Дзи-и-инь! – разбила морозную тишину синица.

– Ну что тебе стоит. А мне...

Я закрыл глаза. Пройти по деревне таким петухом – о-о-о!

У меня аж дух перехватило. Все мальчишки рты поразевают. А Гринька...

До моего слуха долетел далёкий, чуть слышный голос.

– Сейчас, Гринь, сейчас, – прошептал я, опомнившись.

Выглянул. Птицы нет.

– Ушла?!

Огляделся. Голые осины.

Совсем была моей и ушла.

От досады я пнул Тарзана ногой.

– Ну, чего стоишь, пошли.

Собака рванулась в сторону и потянула меня за собой. Стоп. Я тихо-тихо отступил назад. Птица не улетела. Она сидела совсем недалеко от меня, справа, на посохшей осине, за зелёной копной сосны.

Я подтянул к себе собаку, погладил её, шепнул:

– Она здесь, Тарзанушка, здесь.

Шаг. Ещё шаг. Стараюсь не дышать. Тишина. Как дятел, стучит сердце. Шаг. Ещё шаг. Только бы не улетела.

Медленно, осторожно отвёл за спину перегородившую дорогу ветку. Самопал наготове.

Вот и сосна. Шаг. Ещё шаг. Застыл.

– Сидит.

Зажал Тарзана между ног, чтоб не испугнул птицу. Вынул спички. Вставил самую лучшую спичку под проволоку – «запальник». Просунул ружьё сквозь сосновые лапы, прицелился. Руки дрожат. Спокойнее. Шаркнул коробком о спичку. Взметнулось пламя. Я покачнулся и повалился в снег.

Я не плакал. Я даже не чувствовал боли. Меня сковал ужас.

Глаза...

Мне выжгло глаза. Я протирал их снегом. Поднимал пальцами веки. Тьма.

– О-сле-еп?!

Я испуганно вскочил и бросился бежать. Запнулся. Упал. Больно ударился плечом о ствол дерева. Пополз на четвереньках. Остановился.

Куда я? Что со мной?

В голове гул. В ушах звон, лицо в огне. Нестерпимая резь в глазах.

– Ослеп!

Я зарылся головой в сугроб и заплакал.

Вдруг кто-то потянул меня за подол пальто. Я сжался.

Лязг зубов. Повизгивание.

– Тарзан!

Я схватил его и прижал к себе.

– Ты не убежал, да? Ты не бросил меня, да?

Тарзан вырвался и снова потянул меня за подол пальто, заурчал.

Я тревожно сел.

– Тарзанка, что ты?

Собака обнюхала моё лицо и сердито затыкала.

Преодолевая боль, я поднял пальцами веки. Блеснул мутный свет и, дрогнув, погас. Мелькнула надежда, и тут же обуял страх. Куда, в какую сторону идти?

Встал.

Тарзан радостно заскулил и запрыгал. Упёрся передними лапами в мою грудь, лизнул мой подбородок. Я поймал его, нащупал на шее верёвку. Он только этого и ждал. Верёвка натянулась.

– Тарзанушка, умница.

Я понял, что он выводит меня из лесу домой.

В деревне моё появление взбудоражило всех не меньше, чем пожар.

Подбежал запыхавшийся Гринька.

- А ружьё где? – И замолк. Заикаясь спросил: – Разорвало?
- Не знаю.
- Наверно. У тебя всё лицо вздутое и как чугунок...
- Чёрное?
- Тише. Отец твой.
- У меня задрожали ресницы.
- Папа...
- Отец взял меня на руки и быстро зашагал.
- Глаза-то хоть видят?
- Немножечко, пап.
- Отец помолчал.
- Непутёвый ты уродился. В меня, что ли?
- Наверно, пап.
- Похоронишь ты свою мать заживо.
- А ты не говори ей, пап.
- Я не скажу. Твоя голова ей всё скажет.
- В больнице врач открыл мне правый глаз, и я увидел печальное лицо отца. Врач спросил:
- Видишь?
- А как же.
- Открыл второй глаз.
- Видишь?
- Слеза текёт.
- А свет?
- Свет вижу. Жёлтый.
- Счастливо отстрелялся, охотник.

Гринькины тревоги

Болел я до обидного недолго. Все люди болеют как люди, а на мне заживает, как на кошке. Не любит меня хвороба, да и только. Иногда вроде бы и подцепишь грипп, нос уже завалит – дышать нечем. Ещё бы самую малость – и можно в школу не ходить. Так нет. Чихнёшь раза два, высморкаешься как следует – и всё прошло. И голова никогда не болит. Ну что это за голова! Вон у отца чуть ли не через день в висках стучит. А у меня хоть бы разок стукнуло.

И так вот всегда.

Кому охота похворать – не хворает, а кому страсть неохота – из больницы не вылазит.

Мать как-то порезала хлебным ножом палец на правой руке, так целый месяц охала. Палец неделю нарывал, неделю прорывался нарыв, а потом прорвался и две недели подживал.

Ежели бы у меня так-то.

Но у меня так не болит. А то бы я весь ходил в болячках.

Однажды, верно, и у меня вскочил чирей. Огромный такой. Но бестолковый. Выскочил не на пальце и не на ноге, а на шее. Нашёл тоже место. Какой от него прок на шее-то? Только учителям в школе радость. Преподаватель по литературе посмотрел тогда на меня и многозначительно изрёк:

– И от фурункулов, оказывается, бывает польза великая.

После урока он подозвал меня к столу и всё внушал, что чирей-де трогать никак нельзя, а резать и тем более. Что яблоку необходимо назреть, тогда оно упадёт само.

Но я не послушался совета и тут же сходил в больницу. Охота больно сидеть на уроках истуканом.

– Разрезал всё ж таки? – строго спросил учитель на другой день, когда я обернулся на заднюю парту.

Я встал.

– Разрезал, Пал Петрович.

– Оно и видно. Садись.

– Он уж подживает, – улыбаясь во весь рот, сообщил я.

– А жаль.

Класс всколыхнулся от хохота. Но я не обиделся. Пал Петрович – он шутник. Его все любят. И я тоже, хотя и живём мы с ним не особенно дружно. Я-то ничего. Он что-то всё сердится.

В прошлом году он задал нам на дом прочитать «Тараса Бульбу» и рассказать своими словами. А я не прочитал. Почему? Не помню. И конечно, он меня вызвал к доске, спросил:

– Понравилось произведение Гоголя?

– Ещё как, – не моргнув соврал я.

– Рассказывай.

– Чего?

– О чём читал.

– О Тарасе, – шепнули с первой парты.

– О Тарасе, – повторил я.

– И что же?

Я молчу, уши наострил.

Шёпот:

– У него было два сына.

– У него было два или три сына. – «Три» я добавил на всякий случай. Я недослышал сколько.

– Что? Повтори-ка.

На задней парте Гринька показал два пальца.

– У него было два сына.

– Так, продолжай.

Я прислушался. Ни звука. Плохо. Начал соображать. Почти все взрослые книжки кончаются женитьбой. Гоголь был серьёзным писателем, значит, должен кончить как и все.

– Что же дальше было?

– Дальше?

– Да.

– Тарас женился на Бульбе.

– О-о-о! – вскрикнул учитель и под громкий хохот выбежал из класса.

Во время перемены в преподавательской раздавались стоны. По классам учителя расходились с опозданием, с заплаканными глазами.

Павел Петрович зашёл к нам за портфелем, сказал:

– Памятник тебе, Щепкин, надо поставить.

Повернулся и молча вышел. С тех пор он часто вспоминал обо мне. Я его, как видите, тоже не забываю.

Не был в школе всего десять дней и уже говорю о нём. А у меня есть события и поважнее.

Во-первых, все мальчишки нашего класса ходили к арифметичке колоть дрова. Настукали дров, говорят, не так много, а конфет съели целую поленицу. Мне и то принесли – вкусные.

Во-вторых, Тарзан теперь мой, и никому я его не отдам. Я сделал во дворе для него конуру (отец велел), но Тарзан в ней мало бывает, а больше со мной в комнате. Он стал гладким. Поправился. Предан мне, как собака. И удивительно: у него появилась злость. Тронешь меня – зарычит. Прошлый раз Васёк в шутку толкнул меня, так ушёл домой со слезами: Тарзан отхватил у него полштанины.

В-третьих, и это самое ужасное, Гринька влюбился. И на этот раз, пожалуй, без возврата. Влюбился по самые уши. Эх, Гринька, Гринька. Жалко мне его. Друг всё ж таки. Но что поделаешь? Он и сам не рад. Он и сам не понял, как всё произошло. Он вообще в этом смысле бестолковый. Полюбит и сам не знает за что. Увидел девчонку незнакомую и сразу втрескался. Разве так можно?

– Не, Сань, я не сразу, – оправдывался Гринька.

– Как же не сразу, коли она только приехала.

– Она, Сань, не только. Она в тот день, как мы на охоту ходили.

– Слышал. К бабке Орине?

– Ага, её дед привёз. Она дочь его дочери. Говорят, ей чистый воздух нужен.

– А что, Гринь, или уж в городе нет его?

– Отколь я знаю. Значит, нет, когда привёз.

– И она в нашем классе учится?

– В нашем.

– Она красивая, Гринь?

– Красивая, Сань, страсть! Маленькая. Глаза, как чёрные тараканы, юркие. А башковитая – ужас. Что ни спросят на уроке – всё знает. Но просмешница.

– И любовь крутит?

– Нет, Сань, она не крутит, это я кручу.

– А она знает?

Гринька испуганно округлил глаза.

– Ты что... Не вздумай сказать.

– Надо, чай.

– А то просмеёт как тебя.

- Меня?
- Ну да. Девчонки рассказали ей, что ты по глухарю пальнул из самопала, а она и говорит: «Вот как, у вас и вундеркинды водятся».
- А по губам она не хочет?
- Ты, Сань, не тронь её.
- Это почему?
- Не тронь, и всё.
- А я не погляжу, что она твоя любовница.
- Сам ты любовник, губан.

- А ты не ругайся.
 - А ты не грозись.
 - Ну и уходи из нашего дома.
 - Ну и уйду.
- Гринька сгорбился и шагнул к порогу, обернулся.
- Смотри!
- Он вытянул вперёд руку и, показав мне измазанный в чернилах кулак, вышел.
- Я подошёл к окну.
- Гринька сошёл со скрипучих ступеней крыльца и грустный, какой-то задумчивый побрёл вдоль улицы.
- «Видно, нелегко любить, – подумал я, провожая его глазами. – Зря мы поругались».
- Я думал, что Гринька теперь долго не покажется в нашем доме, но он пришёл на другой же день под вечер. Я готовился в школу – собирал портфель.
- Сань, я не обижаюсь, – сказал он.

– Я тоже, Гринь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.